

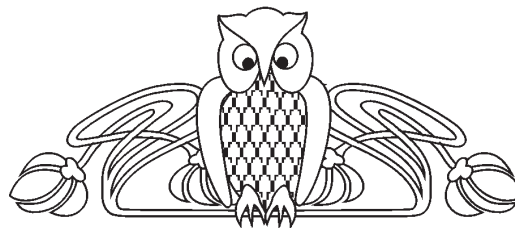

Научная статья

УДК 1(091)09.00.03 История философии

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

И. Кант и Б. В. Раушенбах о познании и нравственности: границы соприкосновения

В. И. Нестеров

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Нестеров Виталий Игоревич, аспирант кафедры философии и культурологии, nesterov.email@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7486-590X>

Аннотация. В XXI в. человечество продолжает активно преобразовывать мир, технический прогресс выдвигает на первое место в качестве мировоззренческой установки рационализм. Конечно, баланс между рационализмом и иррационализмом в одном временном и культурном пространстве труднодостижим, каждый из этих типов периодически преобладает и поэтому оказывает специфическое воздействие на культуру. Периоды смены познавательных и ценностных ориентиров могут сопровождаться кризисными явлениями морально-этического характера. В статье предпринята попытка сопоставления и анализа мировоззренческих позиций двух мыслителей: немецкого философа И. Канта и российского ученого Б. В. Раушенбаха. Сходство и различие рассматриваются в нескольких аспектах: соотношение рационального и иррационального в познании, источник формирования нравственности, роль религии в становлении мировоззрения. Новизна работы состоит в обнаружении близких теоретических положений Канта и Раушенбаха по вопросу взаимосвязи познания и нравственности. На основе рассмотрения философских текстов автор приходит к выводу, согласно которому в условиях научно-технического прогресса и глобализации сбалансированный подход в развитии разных типов мышления позволит человеку лучше адаптироваться к происходящим в обществе переменам и осмыслять их.

Ключевые слова: человек, общество, познание, нравственность, религия, категорический императив, разум, чувства, рациональное, иррациональное

Для цитирования: Нестеров В. И. И. Кант и Б. В. Раушенбах о познании и нравственности: границы соприкосновения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 34–38. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

I. Kant and B. V. Rauschenbach on cognition and morality: The contact points

Vitaliy I. Nesterov, nesterov.email@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7486-590X>

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia

Abstract. In the XXI century, the humanity continues to actively transform the world, technological progress puts rationalism in the first place as a worldview. Of course, the balance between rationalism and irrationalism in one time dimension and cultural space is difficult to achieve, each of these types periodically prevails and therefore has a specific impact on culture. At the same time, periods of changing cognitive and value orientations may be accompanied by crisis phenomena of a moral and ethical nature. The article attempts to compare and analyze the worldview positions of two thinkers: the German philosopher I. Kant and the Russian scientist B. V. Rauschenbach. The similarity and difference are considered in several aspects: the ratio of rational and irrational in cognition, the source of the formation of morality, and the role of religion in the formation of the worldview. The novelty of the work consists in the discovery of close theoretical positions between Kant and Rauschenbach on the relationship between cognition and morality. Basing on the review of philosophical texts, the author of the article comes to the conclusion that in the conditions of scientific and technological progress and globalization, a balanced approach to the development of different types of thinking will allow a person to better adapt to changes in society and reflect upon them.

Keywords: man, society, cognition, morality, religion, categorical imperative, reason, feelings, rational, irrational

For citation: Nesterov V. I. I. Kant and B. V. Rauschenbach on cognition and morality: The contact points. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 34–38 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Современность ставит перед человеком задачу своевременной адаптации к быстро происходящим изменениям в разных сферах общества в условиях глобализации. В связи с этим представляется актуальным обращение к опыту, накопленному историко-философской мыслью, с целью определения тех принципов, использование которых в процессе образования и воспитания позволит формировать гармоничную личность, хорошо ориентирующуюся в современном мире. В частности мы проведем сравнительный анализ мировоззренческих позиций по вопросам познания и нравственности двух выдающихся мыслителей, каждый из которых в свое время занимался данной проблематикой: Иммануила Канта, великого немецкого философа XVIII–XIX вв., и Бориса Викторовича Раушенбаха, крупного российского ученого XX–XXI вв., работающего в области ракетной техники и вместе с этим занимающегося вопросами, связанными с религией и искусством. Его наработки по некоторым философским вопросам имеют теоретическую ценность, поэтому необходимы их анализ и актуализация.

Как известно, в определенной степени на образ мыслей и установки человека воздействует историческая эпоха, в которую он живет, поэтому целесообразно рассматривать культурный контекст времени для получения представления об идейных источниках и предпосылках становления мировоззрения. В XVII в. велся научный спор между предшественниками Канта, Ньютоном и Лейбницем по проблеме пространства. Кант воспринимал этот идейный раскол и пытался решить сложившееся противоречие в способе мышления разных научных школ. Его философский вывод по этому поводу воплотился в тексте об антиномиях разума. Кроме того, в Новое время в центр этического сознания человека был поставлен рационализм. Эта определяющая черта эпохи и отразилась в трудах мыслителя: на первое место среди человеческих умений выводилась способность критически мыслить. «Наш век, – отмечал Кант, – есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе ее величия хотя и поставят себя вне этой критики» [1, с. 11]. Далее он поясняет, что такая подача авторитетности вызывает подозрение; с его точки зрения, дух времени предполагает оценку всех культурных и природных явлений с позиций рационализма.

В советский период действующая идеология предполагала примат материалистического подхода к объяснению мира, поэтому религиозное мировоззрение оказалось противопоставлено

научному атеизму, религия подвергалась жесткой критике со стороны государства. В 90-е гг. XX в. Раушенбах писал о возрождении интереса к изучению религии в России [2, с. 204]. По его мнению, стойкость религии коренится в особом иррациональном происхождении, поэтому догматы трудно опровергнуть логикой. На замену религиозного мировоззрения в СССР претендовала мораль, которая базировалась на марксистско-ленинской философии, поэтому ее достижения «были обусловлены потребностями идеологической работы, разработкой морального кодекса строителей коммунизма» [3, с. 56]. При этом этика марксизма не была однородной. Каждый ее теоретик – К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и другие – привносил особенности в понимание учения. Этика как обосновывала идеалы коммунистического образа жизни, так и определяла принципы научного объяснения мира.

В Новое время создаются условия для преобладания рационализма в культурном пространстве, этика становится направленной на воспитание у человека таких качеств, которые базируются прежде всего на знании о добре и зле. Такая установка позволяет научить различать крайности человеческой жизни и осмысленно избирать путь, ведущий к благу. Кантовский категорический императив как раз и содержит требование к соблюдению нравственных норм, которые заключает в себе разум, с целью высокоморального поведения по отношению к другому человеку. Произведенный Кантом переворот в области философии, его размышления о трансцендентном и нравственном привлекали внимание русской интеллигенции, которая занималась осмыслением его открытий, начиная с XIX в.

Сторонником кантовского теоретического наследия можно назвать Б. В. Раушенбаха. Религиозно-этические воззрения этих философов имеют точки соприкосновения, что подтверждается следующей цитатой: «Великий философ просто отметил связь Бога с нравственностью, ничего не доказывая (именно поэтому многие богословы считают рассуждения Канта неуверительными). С моей точки зрения, Кант и здесь проявил свою гениальность, утверждая, что основы религиозности лежат не там, где наука и логика, а там, где лежит внелогическое знание, в частности нравственность. Можно лишь поражаться его предвидению» [2, с. 209]. Близость их взглядов можно обнаружить и в методологическом подходе: оба мыслителя склонны использовать логику для познания мира, но при этом оставляют в сознании пространство для иррациональной, чувственной составляющей.

В автобиографическом очерке Раушенбах писал о научном интересе как к технике, так и к искусствоведческим работам; здесь же он отмечает, что у него «образное восприятие мира подавлено логическим восприятием» [4, с. 16].

В философской системе немецкого мыслителя в приоритет поставлен познавательный потенциал самого разума как инструмента, наделенного априорными формами, принципами, которые не зависят от внешнего бытия. В предисловии к «Критике чистого разума» Кант дает характеристику возможностей, присущих разуму: «Чистый разум и на самом деле есть такое совершенное единство, что если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, поставленных перед ним его собственной природой, то его пришлось бы отбросить целиком, так как он оказался бы непригодным для верного решения и всех остальных вопросов» [1, с. 12]. Ограничение в познании бытия заключается лишь в том, что органы чувств воспринимают только явления мира, а не предметы сами по себе. Философ описывает устройство мыслительного процесса, состоящего из следующих уровней: «Все наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления» [1, с. 274]. Таким образом, сначала органы чувств доставляют к рассудку информацию о феноменах реального мира, после чего рассудок ее систематизирует и придает этому содержанию форму. Возможности этих двух этапов в познании ограничены поступающими извне чувственными данными о явлениях бытия. Разум же в этой схеме находится в состоянии стремления к поиску ноуменального, но здесь его сдерживают возникающие антиномии – противоречия, которые одновременно логически доказуемы в рамках одной парадигмы.

П. А. Флоренский, русский религиозный философ, занимался изучением наследия И. Канта и высказывался насчет гносеологического компонента его философской системы. Из его выводов следует, что познание явлений окружающего мира ограничено мерой созерцания органов чувств. Особое свойство разума заключается в том, что после придания явлению формы на основе данного чувственного опыта он склонен к стремлению выйти на умозрительный уровень. Содержание, которое рассудок обнаруживает в конкретном проявлении опыта, конечно по своей сути. Учитывая эту особенность, можно утверждать, что разум наделяет опыт потенциальной бесконечностью, потому что по своей

сути не удовлетворяется конечным. Флоренский считает это главным источником новых знаний и заблуждений [5, с. 4–5].

Стоит отметить, что Б. В. Раушенбах жил и работал на два столетия позже И. Канта, поэтому ему были доступны достижения частных наук, совершенные за это время. Знания об этих открытиях сказались на его системе представлений о противоположностях, существующих в сознании. В частности, русский ученый ссылается на результаты исследования функциональной асимметрии головного мозга: «Левое полушарие обеспечивает главным образом рациональное мышление, а правое – образное восприятие мира» [2, с. 205]. Этот факт на материальном уровне несколько проясняет то, как сознание человека может вмещать антиномии: религиозность и логичность. Раушенбах называет способ познания, основывающийся на образах, внелогическим знанием, которое, в отличие от логического, не опирается на причинно-следственную связь между явлениями, а возникает одновременно, без промежуточных этапов, свойственных логическому рассуждению. К внелогическому знанию он относит религию, искусство и нравственность. Есть также факты из биографии Б. В. Раушенбаха, подтверждающие, что знания из разных сфер не мешают, а взаимодополняют друг друга. Например, еще в период обучения в институте он интересовался методом построения перспективы в изобразительном искусстве. Позже, будучи ученым-конструктором, некоторые знания из этой области он использовал для выполнения технической задачи [6, с. 75]. Понимание того, как художники изображают реальность на плоской поверхности, потребовалось для обеспечения космического корабля надежной системой стыковки с другим объектом под управлением человека в ручном режиме. Таким образом, логическое научное мышление соединилось с внелогическим – искусством.

Иммануил Кант в своей концепции, основанной на верховенстве разума, рассматривал глубоко и в разных аспектах проблемы философии религии, которые по значимости не уступали всем остальным. Современные исследователи наследия немецкого философа В. Н. Белов и Э. Р. Фахрудинова отмечают: «Говорить об антиметафизическом настрое Канта и развенчании им тем бытия Бога, бессмертия души и высшего блага было бы слишком поверхностно и уже оттого неверно» [7, с. 32]. Базовое положение мыслителя заключается в том, что моральный закон как руководство к действию априорно присутствует в разуме человека, поэтому в иерархии основных категорий мораль, существующая автономно,

приводит к идее Бога, а не наоборот: «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» [8, с. 5]. Категорический императив не зависит от внешних культурных преобразований в обществе, ему присущ устойчивый и неизменный характер. Кроме высшего принципа нравственности в сознании каждого человека существует иерархия субъективных максим, категорический императив необходим для проверки их на всеобщность. По мнению Канта, самосовершенствованию личности может способствовать и религия. При этом он подходит к рассмотрению религиозной догматики с позиции рациональности: мыслитель отделяет мистику от того, что дано человеку в опыте с помощью органов чувств. То, что не доступно нам через явление, но выходит за пределы разума, может существовать только в форме идеи и рассматриваться в виде гипотезы.

В XX–XXI вв. проблема нравственности конкретного человека и всего общества также остается значимой. Б. В. Раушенбах пытается сформулировать причину низкой духовной культуры общества своего времени: «С моей точки зрения, это следствие опьяняющих результатов научно-технического прогресса, порожденной им наивной веры во всемогущество науки». Кроме того, характеризуя в целом состояние интеллектуальной сферы, он отмечает, что «в современном обществе объем и значение рационального, логического знания непрерывно растут». В ситуации, когда доминирует логическая составляющая сознания, а внелогическая сторона остается без должного внимания, он видит основу противоречия. По мнению русского мыслителя, решение этого конфликта заключается в гармоничном развитии каждого способа восприятия, потому как рациональность и нравственность находятся в разных отделах сознания. Также Раушенбах предполагает, что церковь, обладающая в воспитании нравственности значительным опытом, может положительно влиять на общество [2, с. 205–212].

Итак, в результате сопоставления мировоззренческих систем И. Канта и Б. В. Раушенбаха по некоторым аспектам гносеологии и этики были выявлены сходства и различия. Главное, что объединяет мыслителей, – это стремление обозначить прочную связь между познанием и нравственностью. Кант выстраивает иерархичную систему, на вершине которой находится разум,

а чувственная составляющая сознания является звеном, предоставляющим эмпирический материал для анализа. Раушенбах, по собственному замечанию, также склонен к рационализму, но при этом он допускает сосуществование двух равноценных типов мышления – логического и внелогического, и считает, что преобладание того или иного варианта зависит от природных особенностей. Кроме того, немецкий философ вкладывает в понятие «разум» особое теоретическое и практическое содержание: разум включает в себя и априорные принципы, позволяющие выходить за пределы опыта, и категорический императив. При этом возможность познания связана с допущением идеи о высшей причине, благодаря которой мир выстроен целесообразно и упорядоченно. Русский ученый разделяет мышление на две стороны: аналитическую и чувственную, вторая из которых и содержит нравственные представления.

Подводя итог, следует отметить: вопрос соотношения в познании рационализма и иррационализма актуален на протяжении веков. В каждый исторический период отстаивается особая точка зрения о мере и значении каждого из этих элементов в системе философских ориентиров. Для построения методологической базы современной эффективной образовательно-воспитательной системы имеет смысл опираться на опыт ученых и философов, поэтому представляется важным обратить внимание на вопрос сбалансированности в сознании человека сосуществования разных подходов к объяснению мира: гуманистического, включающего искусство, религию и нравственность, и технологического, базирующегося на логике и доказательности. Это позволит формировать более взвешенное понимание природы вещей и происходящих в обществе изменений.

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
2. *Раушенбах Б. В.* Религия и нравственность // *Знамя.* 1991. № 1. С. 204–216.
3. *Бондаренко Л. И., Перов В. Ю.* Теоретическая этика в СССР (1960–1980-е гг.) // *Дискурсы этики.* Альманах / под ред. В. Ю. Перова. СПб., 2012. Вып. 1. С. 54–82.
4. *Раушенбах Б. В.* Автобиографические фрагменты // *Раушенбах Б. В.* Пристрастие : сборник. М. : Аграф, 2000. С. 7–25.
5. *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
6. *Раушенбах Б. В.* Гармония и алгебра // *Раушенбах Б. В.* Пристрастие : сборник. М. : Аграф, 2000. С. 75–91.

7. Белов В. Н., Фахрудинова Э. Р. И. Кант о религии, вере, Боге и церкви // Кантовский сборник. Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2017. Т. 36, № 1. С. 30–40.
8. Кант И. Религия в пределах только разума // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.
4. Raushenbakh B. V. Autobiographical fragments. In: Raushenbakh B. V. *Pristrastie: sbornik* [Addiction: Collection]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 7–25 (in Russian).
5. Florenskiy P. A. *Sochineniya: v 4 t.* [Essays: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2. 877 p. (in Russian).

References

1. Kant I. Critique of Pure Reason. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 3. 741 p. (in Russian).
2. Raushenbakh B. V. Religion and morality. *Znamya* [The Banner], 1991, no. 1, pp. 204–216 (in Russian).
3. Bondarenko L. I., Perov V. Yu. Theoretical ethics in the USSR (1960–1980s). *Diskursy etiki. Almanakh*. Pod red. V. Yu. Perova [V. Yu. Perov, ed. Discourses of Ethics. Almanac]. St. Petersburg, 2012, iss. 1, pp. 54–82 (in Russian).
6. Raushenbakh B. V. Harmony and algebra. In: Raushenbakh B. V. *Pristrastie: sbornik* [Addiction: Collection]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 75–91 (in Russian).
7. Belov V. N., Fakhrudinova E. R. I. Kant on religion, faith, God and the Church. *Kantovskiy sbornik* [Kant's Collection]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2017, vol. 36, no. 1, pp. 30–40 (in Russian).
8. Kant I. Religion within the limits of reason alone. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 6, pp. 5–222 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.07.2020, после рецензирования 08.07.2020, принята к публикации 11.12.2020

Received 07.07.2020, revised 08.07.2020, accepted 11.12.2020